

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194934-945>

Исследовательская статья

Магарамов Шарафутдин Арифович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
sharafutdin@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФРОНТИРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Аннотация. В последние десятилетия в зарубежной и российской историографии все чаще стали обращаться к концепту фронта при изучении процесса формирования различных территорий Российского государства, в том числе на Северном Кавказе. Перспективность изучения российско-кавказских отношений с помощью концепта фронта уже не вызывает сомнений в историографии, так как позволяет избегать односторонних оценок. В качестве базовой концепции он позволяет с позиций имперской власти и горных обществ рассмотреть сложную картину взаимоотношений народов Кавказа и Российской империи. Концепция фронта становится частью методологии исследований. Целью настоящей работы является исследование сущности и особенностей развития российского фронта на Северном Кавказе. Северокавказский фронт в отличие от других российских фронтов на разных окраинах государства имеет ряд отличительных особенностей несмотря на то, что один из акторов контакта – Российское государство, остается прежним. Выделенные особенности северокавказского фронта – международные, политические, экономические, социальные – отличают его от подобных явлений на других географических рубежах страны и делают его во многом оригинальным. Принципиальной, отличительной особенностью северокавказского пограничья являлось наличие параллельно с российским фронтом еще двух мусульманских фронтов – шахской Персии и Османской империи, причем возраст последних был больше российского. Данное историческое явление получило в историографии наименование «полифронтность». Расширение российского фронта на Северном Кавказе приводило, соответственно, к сокращению мусульманских и в конечном итоге их отмены. Тем не менее, следы фронтов региональных держав прослеживаются на Кавказе и на современном этапе. «Закрытие» российского фронта на Северном Кавказе произошло в 60-е гг. XIX в. с окончанием Кавказской войны и окончательным покорением Российской империей горцев. Отмеченные особенности кавказского фронта не являются исчерпывающими, они могут быть расширены при дальнейшей разработке проблемы.

Ключевые слова: Российский фронт; Кавказ; особенности развития; колонизация; казачество; полифронтность

Для цитирования: Магарамов Ш.А. Особенности развития российского фронта на Северном Кавказе // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 934–945. doi.org/10.32653/CH194934-945

© Магарамов Ш.А., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194934-945>

Research paper

Sharafutdin A. Magaramov
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology of Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FRONTIER IN THE NORTH CAUCASUS

Abstract. In recent decades, both foreign and Russian historiography have increasingly focused on the concept of the frontier when examining the formation of various territories within the Russian state, including the North Caucasus. The utilization of the frontier concept for studying Russian-Caucasian relations is now widely accepted in historiography, eliminating one-sided assessments. The frontier theory serves as a fundamental concept, enabling the exploration of the complex dynamics between the peoples of the Caucasus and the Russian Empire from the standpoint of imperial power and mountain societies. Consequently, the frontier concept is integrated into the research methodology. This work aims to investigate the essence and distinctive features characterizing the development of the Russian frontier in the North Caucasus. Unlike other Russian frontiers situated on various peripheries of the state, the North Caucasus frontier exhibits unique characteristics, notwithstanding the continuity of the Russian state as one of the actors. The identified features of the North Caucasian frontier – international, political, economic, and social – set it apart from similar phenomena along other geographical borders of the country, rendering it uniquely original. A key and distinctive aspect of the North Caucasus borderland was the coexistence, alongside the Russian frontier, of two additional Muslim frontiers – those of the Shah’s Persia and the Ottoman Empire, the latter predating the Russian one. This historical phenomenon is referred to as “polyfrontism” in historiography. The expansion of the Russian frontier in the North Caucasus consequently led to the gradual reduction and ultimately the abolition of Muslim frontiers. Nevertheless, remnants of the regional powers’ frontiers persist in the Caucasus in the present era. The “closure” of the Russian frontier in the North Caucasus transpired in the 1860s with the culmination of the Caucasian War and the definitive subjugation of the mountaineers by the Russian Empire. The considered features of the Caucasian frontier are not exhaustive and may be subject to further examinations.

Keywords: Russian frontier; Caucasus; development features; colonization; Cossacks; polyfrontism.

For citation: Magaramov Sh.A. Features of the Development of the Russian Frontier in the North Caucasus. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.4. P. 934–945. doi. org/10.32653/CH194934-945

Фронтальная проблематика в современных условиях развития гуманитарного знания является одним из перспективных направлений анализа российско-кавказских отношений. Применение теории фронта позволяет рассматривать историю продвижения Российского государства на Кавказ и вхождения региона в состав империи с двух позиций: с точки зрения местных жителей и с имперского центра, что позволяет избежать односторонних оценок. Как справедливо замечает американский исследователь российской истории, профессор М. Ходарковский: «История российского продвижения на Кавказ – не просто летопись военного завоевания и колонизации. Это еще и история встречи двух миров, обладавших несовместимыми структурами: в высшей степени централизованного имперского государства и местных родовых обществ с зачатками политической организации» [1, с. 24].

Возможность применения концепта фронт к реалиям российско-кавказских отношений достаточно убедительно доказана в зарубежной [2] и отечественной историографии [3; 4]. О результативности применения концепта фронт для исследования процесса расширения границ Российского государства, в том числе на материалах Северного Кавказа, подчеркивалось и в развернувшейся научной дискуссии о фронтах [5].

Противником использования концепта фронта к реалиям Северного Кавказа в его классическом понимании выступила Э.А. Шеуджен [6]. Здесь мы абсолютно солидарны с ее мнением, поскольку тернеровское определение идеи фронта не может быть применено к реалиям Северного Кавказа. На современном этапе развития гуманитарных знаний классическая теория фронта Ф.Дж. Тернера практически не используется, ученые уходят от концепции фронта как о двигателе прогресса и представлений о нем, как о перманентном пространстве конфликтов [5, с. 96]. Так, Б.Х. Бгажноков предложил совершенно новое определение концепта: «Фронт – это внутренне организованное и относительно автономное экзистенциальное пространство, подверженное особенно сильным воздействиям и напряжениям в силу недостаточной определенности его статуса в окружающей геополитической и социокультурной среде. Это важнейшая характеристика не только данного пространства, но и стран и народов, между которыми образуется фронт» [7, с. 155].

Нельзя также согласиться с утверждением отдельных авторов, которые относят Северный Кавказ к пространству вечного фронта [8]. Со времени окончательного вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи в 60-е гг. XIX в. с окончанием Кавказской войны в регионе не наблюдаются черты фронта с присущими элементами. В подобного рода утверждениях больше политики, чем истории.

В рамках реализации гранта РНФ исследовательской группой планируется подготовка серии научных публикаций по истории северокавказского фронта. В статье, посвященной проблеме периодизации фронта на Северном Кавказе, в том числе дается историографический обзор проблемы [9]. Отдельные публикации будут посвящены сравнительному анализу северокавказского фронта с другими российскими (сибирский, южный) фронтными зонами, изучение социально-психологических особенностей акторов фронтной зоны, их повседневной жизни и т.д. В настоящей работе ставится цель на основе анализа материалов историографических источников и архивных данных, выявленных автором, часть которых впервые вводится в науч-

ный оборот, исследовать специфику и особенности развития российского фронта на Северном Кавказе, длившегося на протяжении трехсот лет (1560–1860-е гг.) [9].

Российский фронт на Северном Кавказе при сравнении с другими подобными феноменами в России во многом оказывается оригинальным и не полностью совпадающим ни с одним из остальных, несмотря на то, что по крайней мере один участник контакта – Российское государство – остается прежним. Северокавказский фронт отличается от других фронтов (сибирский, южный) рядом особенностей, которые ниже планируется подробно рассмотреть. В то же время, каждое из порубежных пространств России, помимо своей специфики и особенностей, имеет массу общих универсальных черт, которым в российской историографии уделено достаточно внимания, потому считаем, что нет необходимости на них останавливаться.

Заселение территории северокавказского фронта происходило на официальном государственном уровне, параллельно шел процесс вольного заселения территории. Если на раннем этапе развития фронта процессы заселения изучаемого региона больше были стихийными, то начиная с петровской эпохи трансферы населения в регион носили целенаправленный характер. С основанием Терского городка во второй половине XVI в., ставшего важнейшим инструментом формирования новых российских географических пространств на Северном Кавказе, «государевы» казаки наряду со стрельцами начали нести службу в крепости. Примерно в это же время на Тереке с Волги появляются «вольные» или «воровские» казаки, которые также выполняли поручения терских воевод и получали царское жалование. Однако они были более независимы, подчинялись выборным атаманам и отказывались от службы, если не получали жалованье в срок. Со временем и те, и другие стали называться терскими казаками [10, с. 107–109]. Немногим позже появляются казачьи городки в низовьях Терека и в районе устья Сунжи. Казаки, проживавшие «в гребнях», т.е. в предгорьях, стали называться гребенскими. Четкого разграничения между терскими и гребенскими казаками не существовало, оба составляли единое войско, получали одинаковое жалованье [10, с. 120].

Территория расселения казаков была стратегически важной. По ней проходили важные пути на Северный Кавказ, формирующие пограничное пространство между Российским государством и народами Северного Кавказа. Казачество складывалось как пограничное сообщество, и этот статус определял все стороны его жизни. Московское государство использовало казаков как пограничную стражу [11, с. 51–52]. Примерно в это же время представители терского и донского казачества несли службу и в первых русских острогах в Сибири [12, с. 145].

В петровскую эпоху численность казаков на Северном Кавказе начала увеличиваться за счет переселения донских казаков. После Персидского похода Петра I на Аграхань и в крепость Святого Креста была переселена тысяча семей казаков с Дона [10, с. 150]. Казачество все время пополнялось приходящими из других мест людьми. Бежавшие от крепостной зависимости крестьяне или освобожденные из плена невольники-христиане также становились казаками. Правительство селило здесь в целях колонизации тысячи крепостных и государственных крестьян из центральных губерний страны с последующим обращением крестьян в казаков. В конце XVIII в. крестьянская колонизация Кавказа, носившая до этого в большей степени стихийный и вольный характер, была легализована указом Екатерины II от 22 декабря 1782 г. «О разделе желающим под поселение земель, составляющих обширную степь, простирающуюся

по линии Моздокской» [13, с. 784] и активно стала поощряться государством.

Начиная с петровской эпохи в район северокавказского фронта переселялось христианское население (армяне и грузины) из Южного Кавказа, спасающееся от турецких и персидских властей. Они рассматривались российскими властями как надежный социальный элемент в осуществлении своей политики. Значительные диаспоры армян проживали в районе Дербента и Кизляра. Планировалось также заселить армянами моноэтнические территории Дагестана вблизи российских владений. Согласно секретному указу от 5 марта 1729 г. командующему российскими войсками в прикаспийских областях генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву предлагалось заселить сагнских армян в «Тарки, [что] между Сулаком и Дербентом, в котором наперед сего жил шамхал [Тарковский], где всякое довольство имеется...». Заселив армянами древний дагестанский город Тарки, имперские власти планировали, что, во-первых, «на дагестанских владельцев узда надета будет, ровно так, как бы наш российский гварнизон в Тарках посажен был ..., и ежели умножатся армяне в Тарках, то надеется можно Дагестаны будут в страхе, и в твердом нам подданстве, второе, могут они армяне немалое купечество на Сулаке производить»¹. Однако план заселения армян в Тарках не был осуществлен по неизвестной нам причине.

Значительная часть кавказского казачества привлекалась к службе на приграничной линии, что уменьшало государственные расходы на содержание армии. Связано было это с традиционной репутацией казаков как людей пограничья, призванных нести службу на окраинах страны, таким образом, российские власти использовали военно-колониционный потенциал казачества в полной мере.

Казаки участвовали в кавказской экспансии России. Опора на силы казачества давала русскому правительству возможность закрепиться на северных рубежах Кавказа, поэтому было создано казачье войско, которое охраняло южные рубежи государства. В 1721 г. терское казачество было изъято из ведения Посольского приказа и передано в распоряжение Военной коллегии, превратившись в слуг государства. «Верные слуги царей» – такую характеристику дает общему положению казачества историк А. Каппелер [14, с. 377]. Казачество в качестве иррегулярных частей российской армии использовалось империей для «усмирения» местных социально-политических протестов. В 1722 г. казаки участвовали в карательной экспедиции под руководством бригадира Андрея Ветерани против дагестанского аула Эндирей [15, с. 1118–1130], за участие его правителей в походах на казачьи городки и на крепость Терки, в 1725–1726 гг. – против влиятельного дагестанского владетеля шамхала Тарковского Адиль-Гирея за его антироссийскую позицию². В 1775 г. терско-кизлярские и моздокские казаки приняли участие в походе против дагестанского правителя уцмий Кайтага Амир-Гамзы. За год до этого уцмий задержал у себя известного ученого и путешественника, действительного члена Петербургской Академии наук, С.Г. Гмелина, который, находясь в плену, скончался. Была предпринята военная экспедиция с целью наказания уцмий, чтобы «внушить уважение и страх к российскому оружию» [16, с. 288]. Во время данной экс-

1. Донесения и письма (отпуски) действительного тайного советника Петра Толстого Петру I, в Сенат, к Генерал-прокурору, в Кабинет и к секретарю Кабинета Макарову // АВПРИ. Ф. 77. 1729 г. Оп. 77/1. Д. 5. Л. 7-7 об.

2. Ведомости из Низового корпуса 1725, 1726 и 1727 годов о поиске над недоброжелательными персиянами и горскими народами». Рапорты о военных действиях против персов и горцев генералов: Михаила Матюшина, Гаврилы Кропотова, князя Василия Долгорукова с мая 1725 г. по июль 1727 г. // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 28-30 об.; Реестр книг входящим в Кабинет из присудственных мест и от других персон сообщениям, письмам и прочим делам 1726 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 78. Л. 214-215.

педиции погиб командир терско-кизлярского войска Темирбулат Черкасский, сын Эльмурзы Черкасского. Его место занял майор того же войска Петр Татаров. Он был кабардинцем, принявшим христианство, служил в Терках, затем в крепости Святого Креста и в Кизляре [10, с. 166].

Базой для укрепления позиций фронтисменов и важным инструментом завоевания и освоения новых территорий Россией на Северном Кавказе служили остроги, русские крепости, гарнизоны, укрепленные линии, казачьи станицы. В 1588 г. в устье Терека по просьбе кабардинского князя – союзника Московского государства была построена русская крепость Терки или Терка, (Терский город). Немногим ранее на Северном Кавказе были поставлены первые русские остроги, но они были снесены по требованию турецко-крымских властей. К середине 1590-х гг. была создана целая система русских крепостей в регионе – Терский город у устья Терека, Койсинский острог у устья Сулака и Сунженский острог у впадения реки Сунжи в Терек, запиравшая дорогу через Северный Кавказ и поставившая ее под контроль русских воевод. Московское государство постепенно закрепляло за собой стратегические направления путем постройки острогов/крепостей на важнейших сухопутных и водных путях. Эти крепости выступали центрами выстраивания и поддержания связей с кавказскими властителями и организации военных походов против дагестанского владетеля шамхала Казикумухского под руководством Хворостинина в 1594 г. и Бутурлина в 1604–1605 гг. [17, с. 284, 287–288].

Несмотря на неоднократные разрушения в силу разных причин (нападения горских владетелей и крымских татар, пожары, эпидемии, наводнения) Терский город заново отстраивался и продолжал выступать пограничным пунктом социокультурного, экономического, политико-дипломатического взаимодействия горских народов и русских. Терский городок был не просто пунктом обороны южных рубежей России, но и зоной формирования специфического сообщества. Здесь слились в единый социум пришедшие из Московской Руси военно-служилые люди, посадское население старорусских городов, представители казацкой вольницы и северокавказских народов.

Фронтирная крепость Терки была основана в качестве форпоста, опорной точки, с которой впоследствии можно было бы развивать дальнейшие военные действия с северокавказскими правителями. В этот период еще нет четкой линии фронта, то есть подвижной границы как цепи поселений. Терский городок в данном плане одно из первых фронтирных поселений на всем Северном Кавказе и одно из стратегически важных. Терки стал тем центром, от которого позже потянулись нити фронтирных линий.

В петровскую эпоху вместо Терки была основана новая крепость Святого Креста в устье реки Сулак. Целью основания новой крепости было желание укрепиться в «новозавоеванных» провинциях, каковыми считались западное и южное побережья Каспийского моря. Из крепости Святого Креста – главной российской «фортеции» на Северном Кавказе – можно было легко контролировать территорию предгорного и прикаспийского Дагестана, и поддерживать коммуникации с Дербентом. По итогам Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. за короткое время южная граница Российской империи продвинулась вдоль западного и частично южного берегов Каспия, российские гарнизоны были расквартированы в Дербенте, Баку, Реште – центре Гилянской области. Однако в середине 1730-х гг. в связи с новой геополитической ситуацией в Западном Прикаспии российские границы вновь возвратились за реку

Сулак, крепость Святого Креста была скрыта. В 1735 г. была основана крепость Кизляр, ставшая новым административно-политическим центром Российского государства на Северном Кавказе.

В Кизляр были переведены жившие при крепости Святого Креста кабардинцы, окочены, новокрещены, армяне, грузины, дагестанцы, восточные тезики, а также бывшие терские городовые казаки. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками и из них было создано Терско-кизлярское казачье войско [18, с. 63]. Командование над нерегулярными частями войск получил кабардинский князь Эльмурза Черкасский, брат Александра Черкасского (Бековича), погибшего в Хиве. Под его началом оказался небольшой по численности, но сложный по этноконфессиональному и социальному составу, отряд, включавший в себя и казаков. Это достаточно редкий случай для России XVIII в., когда мусульманин получил власть над христианами [10, с. 166].

Дальнейший процесс завоевания и освоения территории Северного Кавказа связан со строительством крепости Моздок (1763 г.) и основанием в 1777–1780 гг. Азово-Моздокской укрепленной линии, которая соединила сплошной цепью все русские крепости от Черного до Каспийского морей. Укрепленная линия отрезала от Северного Кавказа часть обрабатываемых горцами земель и обширные пастбищные просторы. Вдоль линии стали появляться новые казачьи станицы. В воспоминаниях русских офицеров, участников Кавказской войны, Кавказская линия именовалась «землей» и описывалась ими как приграничная с горцами территория с российскими крепостями, укрепленными казачьими станицами [19, с. 229–234]. Кавказская укрепленная линия изначально рассматривалась в качестве модели обустройства или освоения нового пространства, которому суждено было стать частью Российской империи [20, с. 51].

На фронтальной линии северокавказские владельцы присягали на верность царю и там же находились аманаты-заложники в качестве гаранта соблюдения верноподданнических обязательств русскому царю. Аманатов русские власти держали в Астрахани, Терках, крепости Святого Креста, Дербенте, Кизляре, Моздоке и крепостях Кавказской линии. В отношении аманатов взгляды центральной власти и местных политических элит существенно различались. Российские правящие круги или представители региональной власти – воеводы – видели в аманатах знак безусловного и исключительного подчинения самодержавию. Воспитав их в духе русской культуры и этикета, российская военная администрация рассчитывала на их устойчивую про-российскую ориентацию. Для местных правящих элит институт аманатства являлся неприятным, но необходимым актом, сопутствующим договору с царским правительством о военном союзе, взаимном ненападении или покровительстве.

Судьбы разных аманатов складывались по-разному. Часто малолетние дети, будучи в аманатах, умирали от непривычных условий их содержания. В случае, если после смерти аманата, местный владетель не предоставлял нового, российские власти захватывали членов из числа влиятельных общинников или правящего дома. Такое правило было предписано кавказской администрации Коллегией иностранных дел от 1754 г. [21, с. 163]. Рейды, организуемые с целью захвата новых заложников, временами превращались в грабительские набеги, мало чем отличающиеся от нападений горцев на русские поселения. Тяжелые условия содержания аманатов вынуждали местных владетелей довольно часто обращаться к царской администрации с просьбой обменивать их на новых аманатов. О тяжелом положении аманатов и тяжелых усло-

виях их содержания свидетельствовал А.С. Пушкин, который совершил путешествие на Кавказ в 1829 г., в вышедшем позднее произведении «Путешествие в Арзрум»: «В крепости (Владикавказ) видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [22]. За нарушение условий достигнутых договоренностей с кавказскими владельцами аманаты подвергались наказаниям и другим мерам карательного характера. Заложников из российских крепостей не выпускали.

Северокавказский фронт был местом постоянных нападений войск иранских шахов, осmano-крымских отрядов и горцев, таким же образом совершались набеги казачьих отрядов на земли горцев.

В 1651 г. шах Аббас II организовал поход объединенных шахских, ширванских и дагестанских отрядов под Сунженский городок с целью вытеснения русских войск и утверждения своего господства на Северном Кавказе [23, с. 181–184]. Участие дагестанских отрядов в походе объяснялось значительным влиянием иранских правителей на дагестанских владельцев, часть из которых оказались у власти при поддержке иранской администрации. Поход окончился для организаторов безуспешно, обострив на некоторое время российско-иранские отношения.

Терский городок, крепость Святого Креста и казачьи станицы неоднократно подвергались нападениям горцев. В начале 1725 г. недовольный действиями российских властей дагестанский владелец шамхал Тарковский Адиль-Гирей организовал поход против казачьих городков на Сулаке. В ответ осенью 1725 – весной 1726 гг. состоялись карательные экспедиции российских войск под командованием генерал-майора Г.С. Кропотова на владения шамхала Тарковского, приведшие к разорению и сожжению двух десятков аулов, уничтожению посевов, угону больших отар скота³. 21 мая 1726 г. шамхал Адиль-Гирей был пленен⁴ и отправлен в Архангелогородскую губернию, где и скончался.

Строительство Моздока и Кавказской укрепленной линии вызвало недовольство и вооруженные выступления кабардинцев. Кабардинские князья неоднократно просили снести крепости. Получив отказ, в 1779 г. они попытались захватить и уничтожить их, но потерпели поражение. Им пришлось смириться с функционированием Кавказской линии, заплатить большую контрибуцию и дать новую присягу на верность российскому престолу [10, с. 560].

Еще одной особенностью российского фронта на Кавказе было то, что он был не единственным в пространстве Кавказского региона, параллельно на юге и юго-западе региона существовали фронты мусульманского мира – шахского Ирана и Турции. Подобное не наблюдается ни в одном из других российских фронтов. А.Т. Урушадзе данное явление обозначает термином «полифронтность» [4].

Мусульманские фронты на Кавказе формировались немногим раньше российского, еще в начале XVI в. Ширван и южная часть Дагестана были заняты персидскими (сефевидскими) войсками, Дербент превратился в северный форпост империи Сефе-

3. Реестр книг входящим в Кабинет из присутственных мест и от других персон сообщениям, письмам и прочим делам 1726 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 78. Л. 214–215.

4. Ведомости из Низового корпуса 1725, 1726 и 1727 годов о поиске над недоброжелательными персиянами и горскими народами». Рапорты о военных действиях против персов и горцев генералов: Михаила Матюшина, Гаврилы Кропотова, князя Василия Долгорукова с мая 1725 г. по июль 1727 г. // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 81–82 об.

видов на Восточном Кавказе, куда было переселено из различных областей Персии огромное количество тюркоязычных шиитских племен. С приходом к власти в Турции султана Мурада III (1574–1595) активизировалась внешняя политика страны в направлении Кавказа. В 1578 г. султан Мурад III предпринял попытку завоевать страны Восточного Закавказья, его армия заняла южную часть Азербайджана, Армению и Грузию. На Восточном Кавказе турки завоевали Шеки, Шемаху, Баку, Шабран, Дербент [24, с. 278]. Примерно в это же время народы Западного Кавказа подпадают под частичную зависимость от Османской империи.

В начале XVII в. шах Аббас I (1588–1629) начал активно готовиться к войне с Турцией с целью реванша. Ему удалось отвоевать многие занятые ранее турками земли на Кавказе. Район Дербента вновь стал северным пограничным рубежом Сефевидов на Северном Кавказе. Влияние Персии в Дербенте наиболее ощутимо проявлялось в архитектуре, этноконфессиональном составе населения, духовной культуре. Численность персидских колонистов в Дербенте с каждым годом росло, поскольку колонизация была одним из методов утверждения сефевидского влияния в регионе. Под началом персидской администрации город оставался вплоть до начала XVIII в., когда в результате антииранских восстаний в регионе власть Сефевидов была свергнута.

Геополитическая ситуация в Кавказско-Каспийском регионе кардинально изменилась после Персидского похода Петра I. Петровская Россия закрепила за собой узкую полосу прикаспийских областей и, самое главное, не допустила турок к берегам Каспийского моря, что изначально и планировалось российской дипломатией. В результате противостояния Российской империи и Турции на Восточном Закавказье установилась российско-турецкая граница, разделившая местные народы и общества без учета исторически сложившихся традиций ведения хозяйства и социокультурных контактов. Новая пограничная линия послужила своего рода «барьером» между народами региона, связанными между собой тесными этнокультурными и экономическими контактами, расколола исторически формировавшиеся вместе кавказские и персидские общества. Местные пограничные сообщества и их элиты волею судьбы оказались втянуты в непростые российско-турецкие отношения. Подобное деление кавказских территорий привело к затяжной конфликтной ситуации в пограничной зоне, к сложной и изменчивой пограничной жизни [25, с. 94–109].

Однако геополитический успех России был недолгим, к середине 30-х гг. XVIII в. империя вынуждена была отодвинуть свои границы в район Терека на севере Дагестана. Во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XVIII в. при Надир-шахе господство Персии на Восточном Кавказе номинально восстановилось, а с 1747 г. после его смерти регион обрел независимость. На рубеже XVIII–XIX вв. Персия вновь предъявляла свои права на Кавказ, в фирманах персидских шахов Кизляр и Моздок упоминаются как пограничные пункты Персии [26, с. 807]. Победа России в русско-иранской войне 1804–1813 гг. привела к отказу Персией от своих притязаний на Южный и Восточный Кавказ, и признанию всего региона за Российской империей.

На вторую половину XVIII – первую четверть XIX в. приходится активизация турецкой политики на Западном Кавказе, вызванная продвижением Российской империи в Приазовье и на Кавказе. Турция укрепляла свои позиции в регионе посредством своих ставленников в Абхазском княжестве, а также комендантов крепостей Анапа и Суджук, что стало фактором углубления связей с регионом. Несмотря на проводимые меры, турки потерпели крупное поражение в русско-турецкой войне

1828–1829 гг., после которого завершился более чем 300-летний период влияния Турции на Западном Кавказе [27, с. 28].

Успех российской политики на Северном Кавказе М. Ходорковский объясняет тем, что в отличие от персов, которые периодически посылали карательные отряды в регион, чтобы утвердить свое недолговечное господство, и в отличие от турок, чьи случайные военные кампании имели целью не более чем обеспечение притока дани и рабов в Крым и Стамбул, Россия систематически колонизировала регион, размещая войска в многочисленных укреплениях и крепостях, отправляя военных чиновников, купцов и священников во вновь построенные города, и поощряя переселенцев оседать на земле и обрабатывать ее [28, р. 430].

Район северокавказского фронта, особенно в первой половине XIX в., служил местом для ссылки преступников, неугодных лиц. Еще в первой трети XVIII в. Дербентский гарнизон служил своего рода «теплой Сибирью» – местом ссылки за разного рода провинности военнослужащих российской армии. На Кавказ военные суды отправляли «для обращения в персидские полки» сроком от пяти до десяти лет за побег со службы, кражи «казенных мяс» и другого имущества, «блуд» и насилие, пьянство [29, с. 180]. И в XIX в. Дербент становился местом ссылки неугодных российским властям лиц. Посетивший в середине XIX в. Дербент член Британского Королевского географического общества Джон Ашер отмечал, что в городе уже два года как находится Михелевский, отправленный в ссылку из Петербурга за написание антиправительственных памфлетов [30, р. 200].

Ссылке на Кавказ подверглись 77 человек – участников декабристского движения, которые, пополнив ряды солдат и офицеров царской армии, принимали участие в борьбе против горцев. Помимо непосредственного участия в военных действиях, строительстве крепостей и прокладке дорог, ссыльные декабристы исполняли различного рода поручения: составляли статистические описания, занимались картографией, участвовали в обустройстве завоеванных территорий [31].

В ссылку на Кавказ также отправлялись польские пленные, участники наполеоновских войн против России, и участники восстания 1830–1831 гг. в Польше. Всего до середины XIX в. на Кавказ было выслано до 50 тыс. поляков, которых определяли в арестантские роты и крепости, где они впоследствии трудились на строительстве военных и гражданских объектов, служили в царских войсках, участвовали в Кавказской войне [32, с. 25, 36-37, 42.].

Выделенные особенности российского фронта на Северном Кавказе – международные, политические, экономические, социальные, отличают его от подобных явлений на других географических рубежах Российского государства и делают его во многом оригинальным. На протяжении разных периодов развития северокавказского фронта роль и значимость отмеченных особенностей проявлялась по-разному: в какие-то периоды роль одних признаков доминировала, в какие-то периоды – других. В 60-е гг. XIX в. с окончанием Кавказской войны и окончательным покорением империей горцев произошло «закрытие» российского фронта на Северном Кавказе, и особенности фронта перестали функционировать. Выделенные нами особенности северокавказского фронта не являются исчерпывающими, они могут быть расширены при дальнейшей разработке проблемы.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

Acknowledgement. The study was carried with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. № 23-28-01106, <https://rscf.ru/project/23-28-01106/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 232 с.
2. Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России. Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163–194.
3. Урушадзе А.Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2011. - 30 с.
4. Урушадзе А.Т. Фронт на Кавказе (XVIII–XIX вв.): возможности и перспективы применения концепта // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 7 (15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru//s207987840000211-1-2-ru> (дата обращения: 11.05.2023).
5. Как сегодня изучать фронтеры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (27), 2020. С. 81–105.
6. Шедужен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // *Научная мысль Кавказа*. № 3. 2006. С. 76–83.
7. Бгажников Б.Х. К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии // *Исторический вестник*. № 3. Нальчик, 2006. С. 129–152.
8. Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронт // *Кавказский регион: политика, экономика, культура*. № 2 (39). 2014. С. 284–291.
9. Магарамов Ш.А. Российский фронт на Северном Кавказе: проблемы периодизации // *Журнал фронтальных исследований*. № 4 (32). 2023. С. 17–29.
10. Тхамокова И.Х. Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.). Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 460 с.
11. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.
12. Хромых А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2012. 312 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. 1070 с.
14. Мининков Н.А. Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера // *Границы и пограничье в Южнороссийской истории*. Ростов-на-Дону, 2014. С. 370–379.
15. Магарамов Ш.А. Рапорт бригадира А. Ветерани императору Петру I: новый документ об экспедиции российских войск в село Эндирей в Дагестане. 1722 г. // *Вестник архивиста*. 2021. № 4. С. 1118–1130.
16. Муртазаев А.О. Кайтаг с древнейших времен – первая половина XIX в. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2022. 448 с.
1. Khodarkovsky M. *Bitter choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus*. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2016. (In Russ)
2. Barrett TM. *Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus "frontier"*. *American Russian studies: milestones of historiography in recent years. Imperial period. Anthology*. Samara: Samara University Publishing, 2000: 163-194. (In Russ)
3. Urushadze AT. *Interaction of cultures in the Caucasus at the end of the 18th – first half of the 19th centuries: dissertation thesis*. Rostov-on-Don, 2011. (In Russ)
4. Urushadze AT. Frontier in the Caucasus (XVIII–XIX centuries): possibilities and prospects for applying the concept. *Electronic scientific and educational journal "Istoriya"*. Moscow, 2012, 7(15) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://mes.igh.ru//s207987840000211-1-2-ru> (access date: 05/11/2023). (In Russ)
5. How to study frontiers today? Discussion on the article by D.V. Senya. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, 1(27): 81-105. (In Russ)
6. Sheudzhen EA. On the issue of the North Caucasian frontier. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2006, 3: 76-83. (In Russ)
7. Bgazhnikov BKh. On the issue of the emergence and border territories of Circassia. *Istorichesky Vestnik*. 2006, 3: 129-152. (In Russ)
8. Romanova AP., Topchiev MS. The Caucasus as an eternal frontier. *Caucasian region: politics, economics, culture*. 2014, 2(39): 284-291. (In Russ)
9. Magaramov ShA. Russian frontier in the North Caucasus: problems of periodization. *Journal of Frontier Research*. 2023, 4(32): 17-29. (In Russ)
10. Thamokova IKh. Terek Cossacks in the ethnocultural space of the North Caucasus (XVI – early XX century). Nalchik: Ed.-ed. Department of IGI KBSC RAS, 2017. (In Russ)
11. Kappeler A. Southern and eastern frontier of Russia in the 16th–18th centuries. *Ab Imperio*. 2003, 1: 47–64. (In Russ)
12. Khromykh AS. *Siberian frontier. Meeting of civilizations from the Urals to the Yenisei (Last third of the 16th – first quarter of the 17th century)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State. Ped. University, 2012. (In Russ)
13. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Saint-Petersburg: Typ. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. XXI. (In Russ)
14. Mininkov NA. Cossacks as a border community in the historical concept of A. Kappeler. *Borders and borderlands in South Russian history*. Rostov-on-Don, 2014: 370-379. (In Russ)
15. Magaramov ShA. Report of Brigadier A. Veterani to Emperor Peter I: a new document about the expedition of Russian troops to the village of Endirei in Dagestan. 1722. *Vestnik arhivista*. 2021, 4: 1118-1130. (In Russ)
16. Murtazaev AO. *Kaitag since ancient times – the first half of the 19th century*. Makhachkala: Lotos Publishing

17. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
18. Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII в.: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). Махачкала: ДГУ, 2011. 620 с.
19. Тучков С.А. Записки. 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 гг. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. С. 218–339.
20. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 279 с.
21. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1869. 621 с.
22. Пушкин А.С. Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (дата обращения: 24.05.2023)
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. 336 с.
24. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: Элм, 1983. 344 с.
25. Магарамов Ш.А. Российско-османское пограничье в Восточном Закавказье в 20-30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 94–109.
26. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. II. 1238 с.
27. Чедия А.Р. Западный Кавказ в Черноморской политике Османской империи в XVII – первой четверти XIX в.: автореф... дис. канд. ист. наук. М., 2019. 30 с.
28. Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1880 // *The Journal of Modern History*. Vol. 71. №. 2. 1999. P. 394–430.
29. Курукин И.В. Персидский поход Петра Велико-го. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.
30. John Usher. A journey from London to Persepolis, including Wanderings in Daghestan, Georgia, Armenia, Kurdistan, Mesopotamia, and Persia. London, 1865. 703 P.
31. Мирзоян Е.В. Сибирская и кавказская ссылка декабристов. 1826–1856 гг.: Опыт сравнительного исследования. Автореф... дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/sibirskaya-i-kavkazskaya-ssylka-dekabristov-1826-1856-gg-opyt-sravnitel'nogo-issledovaniya> (дата обращения: 29.05.2023)
32. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Люди фронта: польский след в северокавказской повседневности. Пятитгорск: ПГУ, 2021. 316 с.
- House, 2022. (In Russ)
17. Kusheva EN. *The peoples of the North Caucasus and their connections with Russia: the second half of the 16th – 30s of the 17th century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. (In Russ)
18. Garunova NN., Chekulaev-Bratchikov ND. *The Russian imperial army in the Caucasus in the 18th century: the history of the Kizlyar garrison (1735–1800)*. Makhachkala: DSU, 2011. (In Russ)
19. Tuchkov SA. Notes. 1766–1808. *Caucasian War: origins and beginning. 1770–1820*. Saint-Petersburg: Zvezda, 2002: 218-339. (In Russ)
20. Urushadze AT. *Caucasus: interaction of cultures (late 18th – mid 19th centuries)*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House, 2016. (In Russ)
21. Butkov PG. *Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803. Part 1*. St Petersburg: Typ. of Imperial Academy of Sciences, 1869. (In Russ)
22. Pushkin A.S. *Travels to Arzrum during the campaign of 1829*. URL: <https://ilibrary.ru/text/483/p.2/index.html> (access date: 05.24.2023) (In Russ)
23. *Russian-Dagestan relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries. Documents and materials*. Makhachkala: Dagknigizdat, 1958. (In Russ)
24. Ashurbeyli SB. *The State of the Shirvanshahs (VI–XVI centuries)*. Baku: Elm, 1983. (In Russ)
25. Magaramov ShA. Russian-Ottoman borderland in Eastern Transcaucasia in the 20-30s of the 18th century: problems of demarcation, reaction of border communities. *Journal of Frontier Research*. 2022, 1: 94-109. (In Russ)
26. *Acts of the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Typ. Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1868. Vol. II.
27. Chedia AR. *Western Caucasus in the Black Sea policy of the Ottoman Empire in the 17th – first quarter of the 19th century: abstract of thesis*. Moscow, 2019. (In Russ)
28. Khodarkovsky M. Of Christianity, Enlightenment, and Colonialism: Russia in the North Caucasus, 1550–1880. *The Journal of Modern History*. 1999, 71(2): 394-430.
29. Kurukin IV. *Persian campaign of Peter the Great. The lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)*. Moscow: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. (In Russ)
30. John Usher. *A journey from London to Persepolis, including Wanderings in Daghestan, Georgia, Armenia, Kurdistan, Mesopotamia, and Persia*. London, 1865.
31. Mirzoyan EV. *Siberian and Caucasian exile of the Decembrists. 1826–1856: Experience in comparative research. Author's abstract... dis. Ph.D. ist. Sci*. Novosibirsk, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/sibirskaya-i-kavkazskaya-ssylka-dekabristov-1826-1856-gg-opyt-sravnitel'nogo-issledovaniya> (access date: 05.29.2023) (In Russ)
32. Klychnikov YuYu., Azaryan SS. *People of the frontier: the Polish trace in North Caucasian everyday life*. Pyatigorsk: PGU, 2021. (In Russ)

Поступила в редакцию 05.06.2023 г.

Принята в печать 07.08.2023 г.

Опубликована 15.12.2023 г.

Recieved 05.06.2023

Accepted 07.08.2023

Published 15.12.2023